

туры (т.-е. такъ скуденъ образованіемъ, самою грамотностью) что не знаетъ—какъ во времена Бѣлинскаго, такъ не на много больше и теперь—даже величайшихъ представителей русской литературы. Послѣдующія толкованія „народности“ Пушкина все-таки не разъяснили вопроса до конца. Какъ ни быть великъ поэтический геній Пушкина, русская жизнь столь сложна, что нimalo не удивительно, если она не могла быть обнята силами одного, хотя бы геніальнаго, дарованія, и наше общественное сознаніе, которое и до сихъ поръ не охватило этого сложнаго содержанія, еще менѣе владѣло имъ во времена Пушкина, — тѣмъ не менѣе Пушкинъ долженъ занять мѣсто во главѣ русскихъ національныхъ поэтовъ. Бѣлинскій говорилъ: „въ томъ, что называютъ народностью или національностью его поэзіи, мы больше видимъ его необыкновенно великій художническій тактъ, — онъ въ высшей степени обладалъ этимъ тактомъ дѣйствительности, который составляетъ одну изъ главныхъ сторонъ художника“ (т. VIII, изд. 2, 387). Можно прибавить, что, не говоря о разнообразной массѣ явленій русской жизни, нашедшихъ выраженіе въ поэзіи Пушкина, самый его „художническій тактъ“ имѣлъ ту чисто-русскую складку, какую находитъ иностранная критика въ лучшихъ писателяхъ нашей новѣйшей литературы, завоевавшихъ теперь вниманіе западнаго міра, складку простоты, ясности и вмѣстѣ задушевной глубины. „Національность“ всегда трудно опредѣлима; но однимъ изъ признаковъ ея можно признать то, когда писатель находитъ себѣ горячій отзывъ въ умахъ и сердцахъ общества, и немногимъ писателямъ нашимъ достался такой отзывъ въ столь широкой мѣрѣ, какъ Пушкину. — Съ другой стороны, „національность“ писателя можетъ опредѣляться впечатлѣніемъ, какое производитъ онъ на чужого наблюдателя: въ этомъ отношеніи поучительны будутъ мнѣнія западной критики, если онѣ будутъ собраны вмѣстѣ. Одно изъ нихъ, особенно оригинальное, было приведено въ „В. Е.“ изъ извѣстной книги Вогюэ ¹⁾: французскій критикъ почти не видитъ въ произведеніяхъ Пушкина „этническаго характера“, почти предпочитаетъ — отнявъ его у Россіи, усвоить человѣчеству, какъ и одинъ изъ нашихъ экстаическихъ поклонниковъ Пушкина видѣлъ въ немъ „все-человѣка“; — но то и другое есть опять односторонность, забывающая объ историческомъ Пушкинѣ, исключительно

¹⁾ Le Roman Russe; см. „Вѣсти Евр.“, 1886, сентябрь, стр. 318—320.